

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(73)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (на материале американской прессы)

О. В. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: mov9393@yandex.ru

В статье проводится анализ речевых средств формирования образа России в период политической напряженности (на примере публикаций американских газет «The New York Times» и «Washington Post»). Особое внимание уделяется анализу речевых средств с точки зрения их экспрессивно-выразительного потенциала.

Ключевые слова: образ России, В. В. Путин, американская пресса, политическая напряженность, речевые средства.

Creating the Image of Russia in Political Tension Conditions (Based on American Press)

O. V. Morozova

The article deals with the analysis of speech means of forming the image of Russia in political tension conditions (based on publications in the *New York Times* and *Washington Post* newspapers).

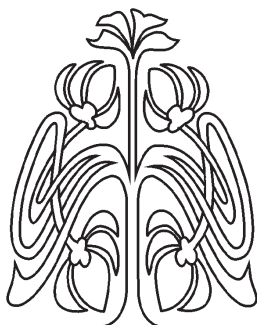
Key words: image of Russia, V. V. Putin, American press, political tension, speech means.

Политическая деятельность играет важную роль в жизни любого общества. Когда в том или ином государстве возникает неудовлетворенность состоянием и развитием политических отношений, мы говорим о политической напряженности. При изучении образа страны необходимо учитывать внутренний образ (характер представлений о себе и своем месте в мире) и внешний образ (представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля)¹. Наиболее ярко тенденции, формирующие образ страны, проявляются в ходе обострения конфликтов и кризисов. Ярким примером может служить обострение ситуации на Украине в 2014 г., столкнувшее два образа России – «защитника и спасителя» (внутренний) и «захватчика и агрессора» (внешний).

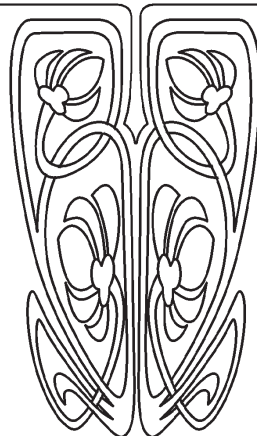
Образ любой страны интерпретируется и формируется с помощью средств массовой информации. Современные СМИ не только информируют людей о тех или иных фактах и событиях, происходящих в своей стране или за рубежом, но также формируют в сознании реципиентов определенное представление о том или ином событии.

В данной статье мы выявили и провели анализ речевых способов формирования образа России (внешний образ) в прессе США в период политической напряженности (конфликт на Украине в 2014 г.). Для анализа было отобрано 30 статей из электронных вариантов качественных американских газет («The New York Times», «Washington Post»). Статьи отбирались методом сплошной выборки. Они прямо или косвенно затрагивают вопросы, связанные с ситуацией на Украине. Необходимо отметить, что эта работа не ставит своей целью транслирование определенных политических идей, нас интересует главным образом языковая составляющая исследуемой проблемы.

В связи с тем, что наше исследование направлено на формирование образа России в СМИ, приведем его определение, данное Д. Замятиным,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

которое включает в себя культурную составляющую, что является важной чертой для понятия «образ» именно в медиадискурсе: «Образ – максимально отстраненное и опосредованное представление реальности. Образ – часть реальности, поскольку он может меняться вместе в ней. Но вместе с тем он также является фактором изменения реальности в конкретной культуре – как один из рычагов влияния на традицию осмысления этой реальности»². По мнению автора, образ – это не сама реальность, а ее представление. Как правило, изучение способов формирования образа сводится к анализу речевых средств с точки зрения их экспрессивно-выразительного потенциала без учета общественно-политической ситуации³. Однако мы считаем необходимым учитывать общественно-политическую ситуацию в стране, так как она не только подвергает корректировке уже сложившиеся образы, но и может формировать новые. Таким образом, напряженная политическая ситуация позволяет исследовать образ той или иной страны.

По нашему мнению, с образом, возникающим в СМИ, тесно связана категория оценки. С ее помощью формируется определенная аксиологическая модель общества, закрепляющая в массовом сознании политические, идеологические, морально-нравственные и другие ценности⁴. Будучи лингвистической категорией, оценка формирует образ с помощью набора языковых средств. Оценка может быть положительной или отрицательной, а адресат вслед за автором воспринимает заданную оценку на суггестивном, эмоциональном уровне. Поскольку цель данного исследования связана с анализом речевых средств формирования образа, постараемся определить закономерности их использования журналистами в американской прессе. В статье представлен лингвистический анализ оценочных средств, использованных коннотаций и изобразительно-выразительных средств языка.

Отметим, что роль политического лидера во многом влияет на формирование образа страны, ведь президент – лицо любого государства. Поэтому много статей посвящено действующему президенту В. В. Путину. От того, как международное сообщество воспринимает российского президента, зависит и восприятие самой страны в целом. Все статьи, в которых фигурирует имя российского президента, можно разделить на несколько тематических блоков: 1) В. В. Путин как человек и правитель; 2) режим Путина; 3) действия В. В. Путина по отношению к Украине, 4) обвинение России в крушении самолета; 5) сравнение В. В. Путина с Гитлером.

Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных блоков с точки зрения использованных речевых средств, влияющих на формирование образа страны. Американская пресса говорит о сложном образе Путина, ссылаясь при этом на мнение аналитиков, что делает высказывание более достоверным:

This complex picture of Putin is emerging as analysts study his latest contradictory moves in eastern Ukraine (По мнению аналитиков, этот сложный образ Путина возникает из-за его последних противоречивых действий на востоке Украины) (Washington Post, 08.05.14).

Для характеристики действий В. В. Путина используются эпитеты, которые несут в себе отрицательную коннотацию:

He's aggressive in his moves, but also calculating (В своих действиях он агрессивен, но расчетлив) (Washington Post, 08.05.14).

В качестве усиления воздействующего эффекта текста журналисты используют синонимичный ряд, в который включены лексемы, акцентирующие явления только с одной стороны и рисующие образ события в тех или иных тонах:

He has been cunning and forceful but also wary of taking steps that could damage Russia, such as a military invasion of Ukraine or open destabilization of its planned election (Он хитрый и волевой, а также осторожный в действиях, которые могут навредить России, таких как вооруженное вторжение на Украину или открытая дестабилизация запланированных выборов) (Washington Post, 08.05.14); *He is mercurial Russian leader* (Он – сообразительный российский лидер) (Washington Post, 08.05.14).

Характеристика действий В. В. Путина как правителя достигается с помощью использования глаголов с отрицательной коннотацией, которые журналист выстраивает в один ряд, тем самым усиливая их воздействие:

He attacked independent media, arrested demonstrators and demanded that the wealthy bring their riches home (Он разрушил независимые СМИ, арестовал демонстрантов и потребовал от олигархов хранить их состояние в своей стране) (Washington Post, 23.03.14).

Журналисты прибегают к использованию сравнений для описания действий президента:

Putin is acting like the leader of a rogue state (Путин действует как лидер экстремистского государства) (Washington Post, 23.03.14).

Американские газеты довольно часто публикуют информацию о прошлом В. В. Путина, при этом прибегая к использованию цитат. Журналисты часто сокращают цитаты или же, наоборот, расширяют их при помощи журналистского комментария. В качестве примера приведем выдержки из статьи «The great-granddaughter of Khrushchev analyzes Vladimir Putin» (Правнучка Хрущева анализирует Владимира Путина), опубликованной в Washington Post:

Although Putin enjoys the popular image of the terrifying KGB agent, Khrushcheva says he was really a clerk whose nickname was «Moth». More Miss Money Penny than James Bond (Несмотря на то, что Путин наслаждается имиджем популярного устрашающего агента КГБ, по словам Хрущевой, он действительно был работником КГБ, чье про-

звище было «Моль». Скорее мисс Манипенни, чем Джеймс Бонд); *In his own mind, Putin is «messianic, a uniter of lands and corrector of historic wrongs», Khrushcheva says sarcastically. Which is to say, he is often delusional* (Путин думает, что он «мессия, объединитель земель и корректор исторических ошибок», говорит Хрущева с сарказмом. То есть помешанный) (Washington Post, 18.03.14). Подобные комментарии позволяют закладывать в цитату дополнительный оценочный смысл.

В. В. Путин предстает как человек, умеющий держать свое слово:

He's the leader who keeps his word. Putin said he'd take Crimea – and he did (Он – лидер, который держит свое слово. Путин сказал что возьмет Крым, и взял) (Washington Post, 18.03.14).

Для характеристики режима Путина приведем и проанализируем следующие примеры.

The Russian invasion and occupation of parts of Ukraine is the most recent example in a series of events involving disruptive Russian behavior throughout the world (Российское вторжение и оккупация на территории Украины является свежим примером серии событий, характеризующих разрушительное поведение России по всему миру) (Washington Post, 11.03.14). Лексемы *invasion, occupation, disruptive behavior* относятся к лексико-семантическому полю «война» и несут в себе отрицательную коннотацию, что формирует негативный образ России как захватчика.

Излюбленным приемом убеждения у современных журналистов является историческая оценка, которая, в свою очередь, влияет на формирование положительного или отрицательного образа страны.

Putin has reignited a dangerous, pre-1991, Soviet-style game of Russian roulette with the international community (Путин возобновил опасный, советский стиль игры в русскую рулетку с мировым сообществом) (Washington Post, 25.03.14); *Vladimir Putin has done this before. When he invaded Georgia in August 2008... Putin seized two areas, Abkhazia and South Ossetia, that Russian troops occupy to this day* (Владимир Путин делал подобное ранее, когда захватил Грузию в августе 2008... Путин завладел двумя территориями, Абхазией и Южной Осетией, где российские войска находятся и по сей день) (Washington Post, 03.03.14). Данные примеры способствуют не изложению исторических событий, а политическому и нравственному влиянию на читателя, тем самым формируется образ, соответствующий взглядам журналиста.

Американские журналисты дают название режиму Путина «Putinism» («Путинизм»). При этом используется такой прием, как «скорнение» слов (термин Н. А. Николиной), в результате которого стирается прежняя внутренняя форма слов-доноров и создается новая прозрачная внутренняя форма, ярко выражающая определенную оценку⁵. Подобные примеры связаны с прямым

воздействием на сознание адресата, так как яркие образы мгновенно усваиваются и тиражируются в массовом сознании.

Putinism versus Obamaism (Путинизм против Обамаизма) (New York Times, 27.05.14); *Putinism used to just be a threat to Russia but is now becoming a threat to global stability* (Раньше путинизм представлял угрозу для самой России, а теперь становится угрозой для мировой стабильности) (New York Times, 04.03.14).

Журналисты также характеризуют режим Путина, используя ярко окрашенную лексику и повтор отрицательных частиц, которые, в свою очередь, усиливают коннотацию (в данном случае негативную).

Old-fashioned Russian nationalism and gangster capitalism offer no alternative view of the world, no vision and no universalist value system (Устаревший российский национализм и разбойный капитализм не предполагают иного видения мира и универсальной системы ценностей) (New York Times, 21.03.14).

Перейдем к рассмотрению следующего тематического блока, который освещает действия В. В. Путина в Украине.

В американских газетах В. В. Путин выступает как агрессор:

Putin's aggression in Crimea (Агрессия Путина в Крыму); *Putin's seizure of Crimea* (Захват Крыма Путиным); *Putin still has enormous power to squeeze Ukraine* (У Путина все еще есть огромная сила оказать давление на Украину) (New York Times, 27.05.14); *Annexing territory by force* (Захват территории силой) (Washington Post, 19.03.14); *Putin completed the first forcible annexation of land in Europe since World War II* (Путин совершил первое насильственное присоединение территории в Европе со времен Второй мировой войны) (Washington Post, 07.06.14). С помощью использования слов *aggression, seizure, to squeeze, force, forcible*, относящихся к лексико-семантическому классу «проявление агрессии», достигается отрицательная коннотация контекста в целом, в котором не только президент выступает в качестве агрессора, но и сама Россия. Тем самым формируется отрицательный образ России как агрессора.

Иногда журналисты высказывают свое мнение относительно определенной ситуации, тем самым навязывая читателю свою точку зрения:

Putin's seizure of Crimea has weakened the Russian economy, led to China getting a bargain gas deal, revived NATO, spurred Europe to start ending its addiction to Russian gas and begun a debate across Europe about increasing defense spending. Nice work, Vladimir. That's why I say the country Putin threatens most today is Russia (Захватив Крым, Путин ослабил экономику России, довел Китай до покупки газа, возобновил НАТО, побудил Европу отказаться от российского газа и начал проводить переговоры по всей Европе об увеличении распространяемой защиты. Хорошая

работа, Владимир. Вот поэтому я говорю, что страна, которой сейчас угрожает Путин, это сама Россия) (New York Times, 27.05.14). Анализируя, приводя доводы, журналисту легче сформировать в сознании адресата определенный, нужный самому журналисту образ.

Часто в американской прессе звучит информация о незаконности действий со стороны России:

Russia's military operations in Ukraine violate the 1949 Geneva Conventions (Российские военные операции на Украине нарушают Женевскую конвенцию 1949 г.); *The fact that Russian troops operate in Ukraine in unmarked uniforms, or pretend to be civilians, is a significant Geneva violation* (Тот факт, что российские войска ведут боевые действия в гражданской форме или притворяются гражданским населением, является значительным нарушением Женевской конвенции) (Washington Post, 06.05.14). Подкрепляя информацию фактами, журналист побуждает адресата на суггестивном уровне принять данную информацию как достоверную, что, в свою очередь, формирует определенный образ.

Глобальный масштаб происходящих событий подтверждают следующие примеры:

Universal antipathy to Putinism (Всеобщее неприятие путинизма) (Washington Post, 18.03.14); *Moral, unified condemnation of Russia's actions has damaged Russia's international reputation* (Моральное, всеобщее осуждение российских действий разрушило международную репутацию России) (New York Times, 06.08.14). Лексемы *antipathy* и *condemnation* изначально несут в себе отрицательный заряд, а слова *universal* и *unified* усиливают отрицательную коннотацию и рисуют происходящие события в международном масштабе.

Следующий тематический блок посвящен крушению самолета на территории Украины и обвинению российской стороны.

The Boeing 777 with 298 people on board was shot down by a missile from a Russian-made SA-II anti-aircraft system fired from an area of eastern Ukraine controlled by Russian-backed separatists, Russian mercenaries and Russian agents (Боинг 777 с 298 пассажирами на борту был сбит российской ракетой из зенитного комплекса, запущенной с территории восточной Украины, под руководством российских сепаратистов, российских наемных войск и российский агентов); *The shooting down of Malaysia Airlines Flight 17 amounts to an act of war. It was impromptu perhaps, but still* (Подрыв малайзийского самолета приравнивается к военным действиям. Возможно, это было неожиданно, но все же) (New York Times, 21.07.14); *NATO released satellite images indicating that Russian tanks have entered Ukraine in recent days, backing up reports that Russia has been sending heavy weaponry and vehicles into Ukraine's east. On the same day, Russian-backed separatist rebels downed a Ukrainian military airplane, killing 49 people*

(НАТО опубликовало снимки из космоса, подтверждающие вхождение российских танков на территорию Украины, а также доказывающие информацию о том, что Россия поставляет военную технику и оружие на восток Украины. В тот же день российские боевики сбили украинский военный самолет, в котором погибли 49 человек) (Washington Post, 17.06.14).

Приведенные примеры пронизаны агрессивной тональностью, которая достигается с помощью резких, стилистически окрашенных лексем, описывающих семантическое поле «война». Подобные речевые ряды – это не только лексико-стилистический прием выражения речевой агрессии, но также прием авторского убеждения, а именно убеждения в негативности описываемых журналистом фактов.

В американской прессе нередко появляется сравнение Путина с Гитлером. При этом журналисты прибегают к различным приемам, помогающим воздействовать на адресата и сформировать у него то или иное видение, отношение и в итоге образ происходящего события. Так, в статьях приводятся цитаты различных людей, в которых они сравнивают В. В. Путина с Гитлером.

В качестве примера приведем слова Хилари Клинтон: «*Now if this sounds familiar, she said, 'it's what Hitler did back in the '30s. ... Germans by ancestry were in places like Czechoslovakia and Romania and other places, (and) Hitler kept saying they're not being treated right. I must go and protect my people*» («Если это звучит схоже, то Путин делает тоже самое что сделал Гитлер в далеких 30-х... Немцы жили и в Чехословакии, и в Румынии, и в других странах, а Гитлер говорит, что там ущемляют их права. Я должен идти и защищать свой народ») (Washington Post, 23.04.14).

Министр финансов Германии также проводит похожую аналогию: «*The Crimea absorption was analogous to Hitler's 1938 seizure of Sudetenland. We've seen this before in history <...> Hitler took over the Sudetenland with these types of tactics*» («Присоединение Крыма – аналог захвата Судетской области Гитлером в 1938. Это уже происходило в истории <...> Гитлер захватил Судетскую область, используя такие же тактики») (Washington Post, 23.04.14).

Перечисленные примеры иллюстрируют такой речевой прием, как историческая оценка. В данном случае сравнение с Гитлером заведомо несет в себе отрицательную коннотацию, а будучи оформленное в виде цитат и мнений различных людей, указывает на единство мнения, тем самым усиливая воздействующий эффект на читателя.

Для сравнения этих двух правителей используется специально созданный окказионализм «Putler», образованный с помощью речевого приема «скорнения» слов (Путин и Гитлер), и его производный «Putler Kaputt».

They call it «Putler». And yes, it looks a little creepy (Они называют его «Путлер». Да, от это-

го немного бросает в дрожь) (Washington Post, 23.04.14). Это новое слово сразу подвергается характеристике со стороны журналиста, который высказывает свое мнение относительно данного слова, употребляя прилагательное *creepy*, которое несет в себе отрицательную коннотацию. Тем самым у адресата формируется отрицательный образ.

В рамках нашего исследования были обнаружены номинации, характеризующие Россию как державу. Приведем следующие примеры:

Putin's Russia is an anti-Western power with a different, darker vision of global politics (Россия Путина – антизападная держава с отличительным, темным видением мировой экономики); *it is a geopolitical threat* (геополитическая угроза) (Washington Post, 22.03.14). Подобные примеры рассчитаны на пробуждение сильных чувств. Они бездоказательны и не нуждаются в аргументации, так как не основаны на фактах, а часто строятся на домыслах с целью манипуляции сознанием адресата и формирования у него негативного образа.

В качестве изобразительно-выразительных средств, формирующих образ России, в американских статьях используются метафоры. Так, политическую напряженность (кризис) на Украине сравнивают с игрой в русскую рулетку и игрой в шахматы:

Putin started a game of Russian roulette with the international community (Путин начал игру в русскую рулетку с мировым сообществом) (Washington Post, 11.03.14). Метафора *Russian roulette* применяется для обозначения неких потенциально опасных действий с труднопредсказуемым исходом, а также для обозначения храбрости, граничащей с безрассудством. Таким образом, это тонкий элемент психологического воздействия на адресата, имеющий оценочный подтекст.

Game of geopolitical chess (Геополитическая игра в шахматы) (Washington Post, 18.04.14); *The chess game that is the Ukraine crisis* (Шахматная игра, которой является украинский кризис) (Washington Post, 08.05.14). Данная метафора создает оценочные, идеологически нагруженные номинации, закрепляющие в сознании адресата нужный адресанту образ события. С помощью

метафоры *the chess game* создается всеобъемлющий, масштабный образ происходящих событий.

Подобные метафоры быстро закрепляются в сознании адресата, так как формируют яркие образы, нередко становящиеся символами.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

На формирование образа России во многом влияет образ действующего президента В. В. Путина, которому посвящено большое количество статей в связи с напряженной политической ситуацией на Украине. Разделение проанализированных статей на тематические блоки помогло не только выявить доминирующие темы, но и проследить отношение американских изданий к российскому президенту и России в целом. В результате анализа статей можно сделать вывод о том, что в период политической напряженности формируется резко отрицательный образ России и российского президента. Россия представляется в СМИ «захватчиком и агрессором». Это достигается с помощью использования различных средств: оценочных слов с отрицательной коннотацией (синонимичный ряд, историческая оценка, «скорнение» слов); различных цитат, позволяющих сформировать отрицательный образ; лексем, относящихся к лексико-семантическому полю «война»; оценочных изобразительно-выразительных средств (метафор); выражения личного негативного мнения журналиста.

Примечания

- 1 См.: Семенов И. Введение к рубрике «Тема номера. Многоликая идентичность и новые политические вызовы» // Полис. 2008. № 3. С. 14–15.
- 2 Замятин Д. Геокультура : образ и его интерпретации // Культурология : Хрестоматия для высшей школы / сост. А. И. Кравченко : 2-е изд., перераб. и доп. М., Екатеринбург, 2003. С. 610.
- 3 См.: Мельник Г. Mass-media : психологические процессы и эффекты. СПб., 1996.
- 4 См.: Клушина Н. Стилистика публицистического текста. М., 2008. С. 98.
- 5 См.: Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество : сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 309–317.